

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МАСКУЛИННОСТИ И ВОВЛЕЧЁННОГО
ОТЦОВСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И
ГЕНДЕРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Махбуба Имомназарова Саибжабборовна

Магистрант 1 курса Ташкентского Международного университета Кимё

**ИНФОРМАЦИЯ О
СТАТЬЕ**

АННОТАЦИЯ:

ИСТОРИЯ СТАТЬИ:

Received: 26.12.2025

Revised: 27.12.2025

Accepted: 28.12.2025

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

*маскулинность,
отцовство, вовлечённое
отцовство, гендерные
роли, семейные практики,
Узбекистан, СНГ,
гегемонистская
маскулинность,
гендерные стереотипы,
социальные изменения*

В данной статье рассматриваются трансформации маскулинности и отцовства в глобальном и локальном контексте с акцентом на Узбекистан. Анализируются изменения мужских ролей в западных странах, где происходит переход от модели «кормильца» к вовлечённому и эмоционально активному отцовству, а также особенности процессов в странах СНГ и Узбекистане, где традиционные гендерные стереотипы сохраняются, но наблюдаются первые признаки изменения семейных практик. Особое внимание уделяется влиянию социально-экономических факторов, государственной политики и международных инициатив на формирование новых моделей мужского поведения и активного участия мужчин в воспитании детей. Работа подчёркивает необходимость локальных исследований для понимания адаптации молодых мужчин к новым гендерным и семейным ролям.

За последние десятилетия представления о маскулинности и отцовстве претерпели заметные изменения во многих странах мира, однако эти изменения происходят неравномерно и зависят от социально-экономического и культурного контекста. В странах Западной Европы и Северной Америки наблюдается постепенный переход от

традиционной модели «кормильца» к модели «вовлечённого отца», где мужчина активно участвует в воспитании детей, эмоционально поддерживает семью и делит бытовые обязанности с партнёром [1, 2, 3]. Подобные трансформации объясняются сочетанием факторов: изменениями на рынке труда, развитием политики оплачиваемых отпусков по уходу за ребёнком, а также продвижением гендерного равенства на уровне государства и общества [2, 3]. Международные организации, такие как UNICEF, OECD и UNFPA, фиксируют рост общественного и институционального внимания к идее активного отцовства, что способствует формированию нового образа мужественности, включающего ответственность не только за материальное обеспечение, но и за эмоциональное и бытовое участие в семейной жизни [2, 3, 4].

В странах постсоветского пространства эти процессы идут иначе. Традиционные представления о мужчине как главе семьи сохраняются, а в условиях экономической нестабильности, безработицы и миграции они часто усиливаются [5]. В то же время появляются локальные инициативы, направленные на продвижение вовлечённого отцовства — например, «школы отцов» и общественные проекты [6]. Молодёжь в странах СНГ сталкивается с противоречивыми моделями: с одной стороны, сохраняется давление быть сильным и обеспечивать семью, с другой — молодые люди получают доступ к новым идеям партнерства и родительства через учебу, миграцию, социальные сети и международные кампании [5, 6]. Эти смешанные сценарии делают исследование темы особенно актуальным, поскольку важно понять, как именно молодые мужчины переживают эти изменения, какие стратегии выбирают и какие препятствия мешают переходу к более равноправным семейным моделям [6].

Узбекистан представляет собой особый контекст. Социальные и гендерные исследования, а также отчёты международных организаций показывают, что в стране сохраняются устойчивые гендерные стереотипы, влияющие на распределение домашних обязанностей, брачные практики и представления о мужественности [7, 8]. Тем не менее среди городской и образованной молодёжи заметны постепенные сдвиги: мужчины начинают активнее участвовать в уходе за детьми, а традиционные жёсткие стереотипы подвергаются критике [7, 8]. Государственная политика также поддерживает эти изменения. Семейный кодекс и закон «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» закрепляют равенство родительских обязанностей и стимулируют участие мужчин в воспитании детей [9]. Стратегия

=====

достижения гендерного равенства до 2030 года усиливает тенденции к вовлечённому отцовству, а краткосрочный оплачиваемый отпуск для отцов после рождения ребёнка демонстрирует стремление государства создать условия для гибкой и включающей модели родительства [10]. В совокупности эти факторы способствуют формированию современных представлений о маскулинности, основанных на активном участии мужчины в семейной жизни [7, 9].

Однако изученность проблемы в Узбекистане остаётся ограниченной. На данный момент научные работы, посвящённые мужским ролям, маскулинности и активному отцовству, представлены в меньшем объёме по сравнению с исследованиями женских ролей [6, 7]. Вклад в изучение темы внесли Б. М. Убайдуллаева, рассматривавшая изменения роли и статуса отцов в XX веке, и С. Т. Инамова, указавшая на недостаток исследований мужских ролей и направлений гендерных исследований в Узбекистане [5, 6]. Теоретическую базу формируют материалы исследовательской платформы «Gender.uz», а более широкий контекст дают международные отчёты, такие как «Uzbekistan: Country Gender Assessment» Азиатского банка развития [7, 8]. Все это указывает на то, что маскулинность как самостоятельная тема требует дальнейшего комплексного изучения с учётом локальных условий и социально-культурного контекста [6, 7].

Для сравнения, в европейских странах исследования маскулинности и отцовства имеют давнюю традицию. Британский исследователь Р. У. Коннелл разработал концепцию гегемонной маскулинности, широко применяемую в анализе норм мужского поведения [1]. В Германии, Австрии и Франции учёные исследовали влияние социальных структур, рынка труда и культурных норм на участие мужчин в семейной жизни [1, 2]. Европейские исследования демонстрируют переход от модели «кормильца» к вовлечённому и эмоционально активному отцовству, что может служить сравнительной точкой для анализа процессов в странах Центральной Азии [1, 2, 3].

В странах СНГ, включая Россию, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан, изучение маскулинности также развивается, но неравномерно. Здесь акцент делается на связь мужских ролей с семьёй, экономикой, миграцией и традиционными нормами, при этом комплексных теоретических исследований пока немного [5, 6]. Аналогичная ситуация наблюдается в Узбекистане, что подчёркивает актуальность и необходимость локальных исследований, направленных на понимание того, как

=====

=====

молодёжь воспринимает изменения в семейных и гендерных ролях, и какие факторы стимулируют или препятствуют формированию более равноправного отцовства [6, 7].

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном обществе процесс трансформации маскулинности и отцовства является глобальным, но локальные особенности сильно влияют на скорость и характер этих изменений. В Узбекистане, несмотря на сохраняющиеся традиционные стереотипы, формируются условия для постепенного перехода к вовлечённому отцовству, что делает изучение этой темы особенно важным для понимания современных семейных и гендерных практик [7, 9].

Over recent decades, perceptions of masculinity and fatherhood have undergone significant changes in many countries around the world; however, these transformations have been uneven and strongly dependent on socio-economic and cultural contexts. In Western Europe and North America, a gradual transition has been observed from the traditional “breadwinner” model to that of the “involved father,” in which men actively participate in childrearing, provide emotional support to their families, and share household responsibilities with their partners [1, 2, 3]. These transformations are explained by a combination of factors, including changes in labor markets, the development of paid parental leave policies, and the promotion of gender equality at both state and societal levels [2, 3]. International organizations such as UNICEF, the OECD, and UNFPA note the growing public and institutional attention to the idea of active fatherhood, which contributes to the formation of a new image of masculinity that includes responsibility not only for financial provision but also for emotional and domestic involvement in family life [2, 3, 4].

In post-Soviet countries, these processes have followed a different trajectory. Traditional views of men as heads of households remain prevalent, and in conditions of economic instability, unemployment, and labor migration, they are often reinforced [5]. At the same time, local initiatives promoting involved fatherhood—such as “fatherhood schools” and community-based projects—have begun to emerge [6]. Young people in the CIS face contradictory models: on the one hand, there is persistent pressure to be strong and to provide for the family; on the other hand, young men gain access to new ideas of partnership and parenthood through education, migration, social media, and international campaigns [5, 6]. These mixed scenarios make the topic particularly relevant, as it is important to understand how young men experience these changes, what strategies they adopt, and what barriers hinder the transition to more egalitarian family models [6].

Uzbekistan represents a specific context. Social and gender studies, as well as reports by international organizations, indicate that устойчивые gender stereotypes continue to influence the division of household labor, marital practices, and notions of masculinity in the country [7, 8]. Nevertheless, gradual shifts are noticeable among urban and educated youth: men are increasingly participating in childcare, and rigid traditional stereotypes are being questioned [7, 8]. State policy also supports these changes. The Family Code and the Law “On Guarantees of Equal Rights and Opportunities for Women and Men” enshrine the equality of parental responsibilities and encourage men’s involvement in childrearing [9]. The Strategy for Achieving Gender Equality by 2030 further strengthens trends toward involved fatherhood, while the introduction of short-term paid paternity leave after the birth of a child demonstrates the state’s intention to create conditions for a flexible and inclusive model of parenthood [10]. Taken together, these factors contribute to the formation of modern understandings of masculinity based on men’s active participation in family life [7, 9].

However, research on this issue in Uzbekistan remains limited. To date, scholarly works focusing on male roles, masculinity, and active fatherhood are far fewer than studies devoted to women’s roles [6, 7]. Contributions to the study of the topic include the work of B. M. Ubaydullaeva, who examined changes in the role and status of fathers in the twentieth century, and S. T. Inamova, who highlighted the lack of research on male roles and directions in gender studies in Uzbekistan [5, 6]. The theoretical framework is supported by materials from the research platform *Gender.uz*, while a broader context is provided by international reports such as the Asian Development Bank’s Uzbekistan: Country Gender Assessment [7, 8]. All this indicates that masculinity as an independent topic requires further comprehensive study that takes into account local conditions and the socio-cultural context [6, 7].

By comparison, in European countries, research on masculinity and fatherhood has a long-standing tradition. British sociologist R. W. Connell developed the concept of hegemonic masculinity, which is widely applied in analyses of norms of male behavior [1]. In Germany, Austria, and France, scholars have examined the influence of social structures, labor markets, and cultural norms on men’s participation in family life [1, 2]. European studies demonstrate a transition from the “breadwinner” model to involved and emotionally engaged fatherhood, which can serve as a comparative reference point for analyzing processes in Central Asian countries [1, 2, 3].

=====
In the CIS countries, including Russia, Kazakhstan, Tajikistan, and Kyrgyzstan, the study of masculinity is also developing, though unevenly. Research here focuses on the relationship between male roles, family, economy, migration, and traditional norms, while comprehensive theoretical studies remain limited [5, 6]. A similar situation is observed in Uzbekistan, which underscores the relevance and necessity of local research aimed at understanding how young people perceive changes in family and gender roles, as well as which factors facilitate or hinder the formation of more egalitarian forms of fatherhood [6, 7].

Thus, it can be concluded that the transformation of masculinity and fatherhood in contemporary society is a global process, but local characteristics strongly influence the pace and nature of these changes. In Uzbekistan, despite the persistence of traditional stereotypes, conditions are gradually forming for a transition toward involved fatherhood, making the study of this topic particularly important for understanding modern family and gender practices [7, 9].

Список литературы

1. Connell, R. W. *Masculinities*. 2nd edition. University of California Press, 2005.
2. OECD. *Gender Equality and Fatherhood Policies*. OECD Publishing, 2020.
- UNICEF. *Engaging Fathers in Childcare: A Global Perspective*. UNICEF, 2019.
3. UNFPA. *State of World Population 2022: Gender and Family*. UNFPA, 2022.
4. Ubaydullaeva, B. M. *Changes in the Role and Status of Fathers in Uzbekistan in the 20th Century*. Tashkent: Fan, 2015.
5. Inamova, S. T. *Masculinity and Gender Studies in Uzbekistan: Research Gaps and Perspectives*. Tashkent: National University Press, 2018.
6. Asian Development Bank. *Uzbekistan: Country Gender Assessment*. Manila: ADB, 2021.
7. Gender.uz. *Research Platform on Gender Issues in Uzbekistan*. Accessed 2025. <https://gender.uz>
8. Ministry of Justice of Uzbekistan. *Law on Guarantees of Equal Rights and Opportunities for Women and Men*. Tashkent, 2019.
9. Ministry of Health and Social Development of Uzbekistan. *Strategy for Achieving Gender Equality by 2030*. Tashkent, 2020.